

Клуб
ОПОЗДАВШИХ
НА
СОБСТВЕННЫЕ
ПОХОРОНЫ

Мария Скирда

Клуб опоздавших на собственные похороны

<https://litres.ru/74395008>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три года назад Лукас Вогель потерял свою тень. Он перестал быть целым. Он просто записывал в дневник чужие ошибки, спрятавшись в сером Париже и боясь смотреть в треснутое зеркало. Но однажды утром на его подоконнике появился черный конверт без адреса.

«Клуб опоздавших на собственные похороны» приглашает на собрание в полночь. Вход через книжный магазин «Пепел».

Чтобы вернуть свою тень, Лукасу предстоит услышать Голос старого города, пройти сквозь эхо забытых улиц и встретить девушку в жёлтой куртке, чей смех способен исцелить даже самые глубокие раны. Но самое страшное ждет его не в темных подвалах, а в тишине собственной души. Готовы ли вы заглянуть в свое отражение?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Утро несостоявшегося трупа	10
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мария Скирда

Клуб опоздавших на собственные похороны

Пролог

Пролог *«То, что люди называют своей тенью, не тень их тела, а тело их души. Выйди на берег моря, стань спиной к луне и отрежь у самых своих ног свою тень, это тело твоей души, и повели ей покинуть тебя, и она исполнит твое повеление».* Оскар Уайльд Санревель не был городом в том смысле, в каком люди привыкли понимать это слово. Не был он скопищем камней, возведённых по воле королей и архитекторов, не был лабиринтом улиц, прочерченных на картах, коими пользуются живые. Санревель был раной — глубокой, старой, как само время, что мир нанёс себе в минуту слабости, когда забыл, кто он есть. И рана та не заживала, не гноилась, не источала запах тления, но медленно, сочилась историей — вязкой, как смола, в коей застыли голоса тех, кто жил здесь до нас и чьи имена стёрлись, оставив лишь отпечатки в камне, подобно тому, как оставляет свой след на

стекле дыхание уходящего. Каждый булыжник на мостовой помнил. Каждая стена, покрытая мхом и копотью, хранила в себе эхо шагов, которые раздавались здесь задолго до того, как был заложен первый фундамент. Память города была ту-пой и старческой — как зуб, что давно пора вырвать, но всё не доходят руки, ибо боль, сродняя той, что рождается при расставании с частью себя, страшит даже самых отважных. Но те, кто умел слушать камни — не ушами, но той внутренней тишиной, что становится громче всех слов, — знали правду, которую город прятал за фасадами, как прячут письма, кои не решаются отправить. Санревель был не просто раной. Он был хребтом древней Тербрюм — существа, что спало под землёй ещё до того, как люди научились говорить. По его окаменелым позвонкам до сих пор текла не лимфа, но сама память королей, забывших даже свои имена, — память, столь же древняя, сколь и неопровержимая, подобно той, что хранят в себе песни эльфов, что поют на холмах в час заката. Короли не плачут, ибо слёзы — удел смертных, но они тяжелеют с каждым веком, оседая в фундаменте пылью, которая ждёт. Ждёт, когда кто-то вспомнит, как её слушать. Улицы Санревеля хранили эхо — не то, что рождается от крика, но то, что остаётся, когда крик уже угас, подобно тому, как остаётся запах дыма после того, как огонь потушен. Эхо то было бессмысленным, как бормотание во сне, как шёпот сплетен в угасающем светском салоне, где слова уже не значат того, что значили прежде. Шаги, коим оно принадлежало, ушли

так далеко, что даже смерть потеряла их след, и ныне блуждают они в пространстве между мирами, не находя покоя, ибо покой есть удел тех, кто завершил свой путь, а тени на стенах... тени не были душами, ибо души слишком горды, чтобы становиться теньями, слишком светлы, чтобы прилепиться к камню. Души уходят, когда приходит их час, но тени остаются — осколками, сколами, частицами того, что было целым до Раскола. Они ползали по штукатурке, как мокрицы по сырому подвалу, как листья, гонимые ветром, что не знает, куда их несёт. Они не ждали, что их вспомнят, ибо память — удел живых, а тени — удел тех, кто уже не здесь. Они ждали только одного — чтобы их забыли окончательно, навсегда, как забывают имена тех, кого любили, но перестали вспоминать. Но даже этого им не дарили, ибо город помнил всё — каждую тень, каждое эхо, каждый вздох, что вырвался из груди уходящего. Я узнал эту правду из тишины, а не из книг, что пылились на полках, не из свитков, что хранили мудрость веков, но из той тишины, что становится громче, когда ты перестаёшь притворяться, будто слышишь только шум. Тишина говорила со мной на языке, коему нет названия на языке людей, — языке, что старше любого слова, что когда-либо было произнесено. Меня зовут Лукас Вогель. Я — хранитель, тот, кто помнит и кто слушает, но не всегда я был таковым. Было время — и оно кажется мне теперь сном, что снился кому-то другому, — когда я просто записывал чужие ошибки. Чужие смерти. Чужие потери. Я боялся за-

писывать свои, ибо признать свою утрату — значит сделать её реальной, подобно тому, как произнесённое вслух слово обретает плоть. Я боялся увидеть себя настоящим, увидеть ту пустоту, что зияла за моей спиной там, где прежде была тень. Я боялся признать, что потерял собственную душу — не в переносном смысле, но в самом прямом, ибо тень моя ушла от меня, как уходят те, кому надоело ждать. Три года я жил в этой пустоте. Притворялся, что жив. Ждал, что что-то изменится, как ждут рассвета те, кто забыл, что ночь может длиться вечно. Но ничего не менялось. Дни текли, как вода в канаве, — серая, мутная, безвкусная. Я перестал замечать отсутствие тени, как перестают замечать боль, которая стала привычной. Я научился жить без неё — как учатся жить с ампутированной конечностью, как привыкают к звуку, что звучит постоянно и уже не раздражает. Пока не пришёл чёрный конверт и звук камертона. Он пришёл не как молния, что разрывает небо, не как удар грома, что сотрясает землю. Он пришёл как тишина, что становится громче всех слов, — как дыхание того, кто стоял за моей спиной все эти годы и ждал, когда я обернусь. Тогда я узнал правду, которую скрывал от себя три года: тени не уходят навсегда. Они ждут, подобно тому, как ждёт берег волну, как ждёт лес путника, как ждёт книга читателя, что сможет понять её до конца. Исцеление приходит не как чудо — ибо чудеса случаются лишь с теми, кто в них верит, — но как решение. Как выбор, который ты делаешь в тишине между вдохом и выдохом. А одиночество,

что я носил в себе, оказалось всего лишь комнатой, из которой я забыл выйти, — комнатой без окон и дверей, что стояла на пути к моей собственной душе, но эта история — не обо мне. Она о городе, который учится дышать заново, подобно тому, как учится дышать человек, долго пробывший под водой. О тенях, которые возвращаются в дома, где их ждали, — возвращаются, как возвращаются письма, что не решались отправить. Об эхе, которое становится громче собственного голоса, ибо в эхе заключено не только прошлое, но и будущее, то, что ещё не произнесено. И о том, как каждый из нас, если будет достаточно внимателен, может найти путь домой — путь, что ведёт не к двери, но к самому себе. Это история о Клубе опоздавших на собственные похороны. Об эхорах, хранящих память мира, — о тех, кто помнит то, что забыли все остальные. О семи артефактах, что ждут своих хозяев, как ждут актёры зрителей в театре, где идёт последний акт трагедии. О битве, что длится веками, и о выборе, что должен сделать каждый. Я ношу имя Эхора. Моя память — моя сила, ибо память есть мост между тем, что было, и тем, что будет. Вера — свет, что горит в ночи. Стойкость — щит, что не поддаётся времени. И я готов рассказать вам эту историю. «Каждая история начинается с тишины. С вопроса, который ты задаёшь себе в тот миг, когда все остальные голоса умолкают. С готовности услышать то, что ты так долго заглушал, подобно тому, как заглушают шум в квартире, где живут призраки прошлого. Камертон, что лежит на столе, —

не просто артефакт, не просто вещь, сделанная из металла и времени. Это напоминание: твоя душа всё ещё звучит. Даже когда тебе кажется, что она умерла, — когда ты смотришь на своё отражение в старом зеркале и видишь только пустоту, ту самую, что поселилась за твоей спиной в день, когда ты потерял свою тень. Она звучит. Она ждёт. Она помнит. И если ты готов слушать — не ушами, но сердцем, не разумом, но той глубиной, где нет слов, — она приведёт тебя домой. Туда, где тени возвращаются, где эхо становится голосом, а тишина — ответом».

Глава 1. Утро несостоявшегося трупа

Пробуждение Лукаса Вогеля наступило не от света, проникающего сквозь щели в шторах, не от шума просыпающегося города, доносимого ветром сквозь оконные рамы, но от внезапной и зловещей тишины, какая случается лишь тогда, когда останавливается сердце старого механизма, — впервые за три года замолк холодильник. Тот самый, чей хриплый, надсадный кашель стал неотъемлемой частью его утра, подобно дыханию или биению пульса, подобно тому, как стук колёс становится частью жизни тех, кто живёт у железной дороги, — исчез, растворился, словно его никогда и не бывало и вместе с ним, по некоему тайному сговору, что вершится в мире вещей без нашего ведома, пропал привычный гул просыпающегося Санревеля — тот самый гул, что был для него столь же естествен, сколь и незаметен, как воздух или свет. Визг трамваев на крутых поворотах, где колёса с визгом врезаются в рельсы, словно сама сталь кричит о боли, воркование голубей под карнизами, что звучало для иных как музыка, а для него — лишь шум, и тяжёлый, грудной стон самого города, пробуждающегося ото сна, точно больной зверь, что не желает открывать глаз, ибо ведает: новый

день принесёт лишь новые страдания.

Осталась лишь тишина. Плотная, почти осязаемая, она лежала на его груди, как каменная плита, положенная на усопшего, дабы тот не восстал из гроба в час неподобающий, и пахла она иначе, нежели обычно, — острее, тревожнее, с горьковатым привкусом, словно в воздухе растворилось нечто чужое, пришедшее извне, из тех пределов, где кончается привычный мир и начинается мир иной, где время течёт вспять, а тени обретают голос.

Лукас открыл глаза, и взгляд его упёрся в потолок — всё тот же, пожелтевший, точно старая кость, что пролежала в земле дольше, чем положено человеческой памяти, и покрытый сетью трещин, напоминавших карту мира, в котором он давным-давно потерял себя. В углу, над самой дверью, улыбалась «Мона Лиза» — влажное пятно, причудливо очерченное, подобное улыбке женщины, что ведаёт все его тайны и хранит их в своей немой усмешке, как хранят священные реликвии в алтаре, доступном лишь посвящённым. Оно появилось в тот самый день, когда тень его начала меркнуть, — три года назад, в час, когда он ещё не ведал, что потеря может быть необратимой. Тогда он не придал тому значения, посчитав за игру воображения, за каприз старого дома, что дышал вместе с ним. Теперь же он знал наверное: то пятно было предупреждением, знаком, оставленным самой судьбой на стене его комнаты, как оставляют метку на дереве те, кто хочет найти дорогу назад.

Он сел на постели, и простыни, влажные и холодные, прилипли к телу, точно воспоминания о том, чего с ним никогда не случилось, но что тем не менее жило в нём, как живут в старых домах призраки прошлых жильцов, чьи шаги слышны в коридорах по ночам. Он снова потел во сне — как и каждую ночь на протяжении этих трёх лет. И снова ему что-то снилось: море, берег, голос, что звал его по имени, — до боли знакомый голос, пахнувший солью и вечностью, голос, что звучал в нём ещё до того, как он научился говорить. Однако он не мог припомнить, кому тот голос принадлежал — отцу ли, оставившему его одного в этом мире, самому ли себе из иной жизни, или тому, кого он потерял так давно, что забыл даже очертания лица, как забывают имена героев книг, прочитанных в детстве, но помнят их печаль.

Лукас опустил ноги на холодный деревянный пол, и доски скрипнули под его тяжестью, точно жалуясь на пробуждение, и медленно, словно нехотя, повернул голову к стене. Там, где всегда, неотступно, как верный пёс или вторая душа, лежала его тень, было пусто. И пустота эта была не просто отсутствием — она была зиянием, провалом в мире, который должен был быть цельным, как дыра в ткани, что не заштопать нитью, какая бы искусная рука ни взялась за иглу.

Он замер, вбирая в себя эту пустоту, как вбирает песок влагу в час прилива, как вбирают в себя тишину перед бурей. Свет — серый, санревельский, пахнувший сыростью и выхлопными газами, смешанными с запахом гниющих ли-

стьев и дальней надеждой, — заливал комнату, падая на стены, на старый шкаф, где висели вещи, принадлежавшие тем, кого уже нет в живых, на стопку книг, что пылилась на подоконнике, на продавленный диван, помнивший ещё ту эпоху, когда мир был целен и не ведал Раскола. Лукас провёл рукой перед собой, творя в воздухе невидимый узор, подобный тому, что чертят маги в час заклинания, и свет скользнул по пальцам его, упал на простыни, на пол. Никакого силуэта. Никакой тени. Ничего, что следовало бы за ним, точно верный пёс или вторая душа, как напоминание о том, что он существует, что он реален, что он не есть лишь плод чьего-то воображения, порождённый в час бессонницы и тогда он услышал звук — не снаружи, не внутри, но между, в той тонкой щели, что отделяет мир явленный от мира сокрытого, подобно тому, как тонкая мембрана отделяет звук от тишины. Между рёбрами и воздухом. Между тем, что он видел, и тем, что видел лишь краем сознания, на границе, где кончается зрение и начинается ведение. Камертон. Одинокий, чистый, точно игла, пронзающая ткань тишины, как пронзают полотно вышивальщицы, создающей узор судьбы, как пронзает луч света тьму в глубоком колодце, где никогда не бывает дня.

Он длился ровно три удара сердца. И замолк, оставив после себя лишь эхо, что таяло в воздухе, как тает дым от свечи, задумой в час полуночи. Но в тишине после него осталось нечто большее, чем звук, — осталось ощущение, вибрация

на коже, словно кто-то невидимый написал у него на спине древними знаками, теми самыми, что вырезаны на камнях Тербрюм, слова, что он не мог прочесть, но чувствовал всем существом: «Готов ли ты? Готов ли ты услышать то, что так долго заглушал?»

Лукас поднялся с постели, ступая осторожно, как ступают по тонкому льду, под которым темнеет бездна, готовая поглотить всякого, кто потеряет бдительность, и приблизился к окну. Внизу, в каменном колодце двора, где время текло иначе, нежели на улицах, старуха в телогрейке уже начала свой утренний ритуал — кормила голубей чёрствым хлебом, и в глазах её была та же сосредоточенность, с какой палач наблюдает за казнью или жрец за жертвоприношением, та же отрешённость, что бывает у людей, видевших слишком много, чтобы удивляться чему-либо. Лукас смотрел на неё и знал: сегодня она поднимет голову и взглянет на него впервые за три года, ибо день сей не походил на прочие дни, и время текло иначе, ибо сама ткань мира в этот час была тоньше, чем когда-либо прежде, но он отвернулся от окна, от старухи и от голубей, и обратил взор к подоконнику, где среди пыли и забытых вещей лежало нечто, чего там не было вчера.

Рядом с чёрной тетрадью — «Дневником неудач», куда он записывал ошибки чужие, дабы не видеть свои собственные, как записывают сны, чтобы утром не забыть их, — лежал конверт. Чёрный, без марки, без адреса, без единого знака,

что указал бы на отправителя, — словно он появился из ниоткуда, из той самой щели между мирами, где время застывает и тени обретают голос. Лишь его имя, выведенное от руки, — не чернилами, нет, но чем-то тёмным и тягучим, что впиталось в бумагу, точно засохшая кровь или древняя смола, хранящая память о дереве, с коего была взята.

Лукас не слышал, когда его положили. Он просто был там, как камертон, что висел на стене все эти годы, а он его не замечал, как не замечают тишину, покуда она не становится громче всякого звука.

Он взял конверт, и пальцы его дрогнули, ибо бумага была тёплой — словно её только что держали чьи-то руки, словно она сама дышала в такт с его дыханием, как дышит живое существо, что ждало своего часа в темноте ящика. Внутри оказалась визитка — чёрный картон с золотыми краями, отливающими тусклым светом, подобным свету звёзд в глубоких водах, и на нём три строки, выведенные тем же почерком, что и имя на конверте:

Улица Мёртвых Фонарей, дом 7.

Полночь.

Ты уже опоздал, но мы подождём.

Лукас усмехнулся — сухо, точно шелест старой бумаги, которую перелистывают в библиотеке, где время застыло между страницами и не торопится уходить, — и произнёс вслух, и голос его прозвучал глухо в тишине комнаты, как звук камня, брошенного в глубокий колодец:

— Ладно. Я приду.

Он положил визитку во внутренний карман пальто, рядом с камертоном, что снял со стены, сам не ведая зачем, но чувствуя: так надо, так было предначертано задолго до его рождения, как предначертаны все пути, что ведут к истине. Рядом с дневником, что носил с собой три года, но никогда не открывал на людях, храня его как тайну, которую не доверяют даже стенам, ибо в словах, записанных на бумаге, есть сила, способная изменить мир.

Одевался он медленно, с нарочитой тщательностью, словно каждый жест его мог изменить ход событий, словно он готовился не к прогулке по мокрым улицам, но к выходу на сцену, где от него ждали последнего монолога в пьесе, что идёт уже много веков. Чёрные брюки, белая рубашка, тёмно-серый свитер, пахнувший сиренью и нафталином — бабушкиными духами, вьёвшимися в шерсть много лет назад, как въедается в древесину запах дыма после пожара, что не выветривается даже спустя столетия. Чёрное пальто, великоватое на два размера, с бархатным воротником, обняло его, точно забытое объятие человека, которого уже нет в живых, но память о нём жива в каждой складке ткани, в каждом шве, в каждой нити, что хранит тепло его рук.

На левой щиколотке — татуировка в виде компаса. Он сделал её в восемнадцать лет, когда ещё верил, что увидит море, когда мир казался ему цельным и полным обещаний, подобно книге, что только начинаешь читать. Компас всё

ещё показывал вниз, словно стрелка его указывала на центр земли, на ту самую точку, где время застывает и где обретаются голос тени, — туда, где всё началось и где всё должно завершиться.

Лукас подошёл к треснутому зеркалу в прихожей. Огромная трещина шла от левого верхнего угла до правого нижнего, деля его отражение на две половины: усталую и насмешливую, больную и циничную, ту, что всё ещё хотела жить, и ту, что давно сдалась, покорившись судьбе, как покоряются неизбежности, как покоряются все, кто потерял свою тень. За его спиной — пустая стена. Тени не было. Только свет, серый и равнодушный, падал на обои, не находя того, кто мог бы его преломить, но на стене, прямо за его плечом, висел камертон.

Он снял его перед тем, как выйти, и теперь тот лежал в кармане, храня тепло, словно узнал его прикосновение, как узнают друг друга старые друзья после долгой разлуки, как узнают эхо, что возвращается к тому, кто его породил, спустя долгие годы.

Лукас перевёл дыхание, собираясь с мыслями, как собирают камни на берегу перед тем, как войти в воду, и произнёс шёпотом, и голос его растворился в тишине, как растворяется след на песке при приливе, как растворяются слова, сказанные на ветер:

— Если я открою эту дверь, я не вернусь прежним.

Не себе сказал он это, не стене, но тому, кого здесь не бы-

ло, но кто, возможно, ждал его там, за порогом, в том мире, где тени обретают голос, а время течёт иначе. Тишина не ответила, ибо тишина не говорит на языке смертных. Однако он ощутил, как камертон в кармане дрогнул. Едва заметно, почти неуловимо, словно тот сказал ему: «Да. Ты готов».

Он повернул ручку, и дверь отворилась, впуская в прихожую холодный, мокрый октябрьский воздух — тот самый воздух, что помнил ещё те времена, когда Санревель был иным, когда город не ведал Раскола и тени его были целы, как были целы все вещи в мире до того, как люди возомнили себя совершенными. Дождь — мелкий, противный, санревельский, что идёт здесь всегда, даже когда небо чисто, — размазывал грязь по асфальту, делая мир похожим на старую выцветшую фотографию, где стёрлись лица, но осталась память о них, как остаётся память о тех, кого мы любили, но перестали вспоминать.

Лукас шагнул за порог, и дверь захлопнулась за спиной — тихо, почти беззвучно, словно квартира выдохнула с облегчением, отпуская его в мир, где ему предстояло найти то, что он потерял, и обрести то, что никогда не терял. Он прошёл несколько шагов по лестнице, и запах старого дерева, сырости и кошачьей мочи окутал его — привычный, почти родной, как запах дома, в котором прошло детство, как запах страниц старой книги, которую ты открываешь вновь после долгих лет.

На втором этаже, у почтовых ящиков, он остановился, и

взгляд его упал на щель одного из них, где торчал край чёрного конверта. Такой же, как тот, что лежал у него в кармане, — близнец, посланный тем же отправителем, тем, кто знал, где он живёт, кто он есть и что он потерял.

Лукас вытащил его, и бумага вновь оказалась тёплой на ощупь, словно её только что принесли из мира, где время течёт иначе. Внутри — ещё одна визитка. Та же бумага, те же золотые буквы, что мерцали в тусклом свете лампы, но адрес иной:

Улица Мёртвых Фонарей, дом 7.

Полночь.

Не оглядывайся.

Он усмехнулся, и усмешка его была горька, как полынь, как вкус утраты, что не проходит, как бы долго ты её ни носил в себе. Не оглядываться. Легко сказать — трудно исполнить, ибо знал он: тени всегда следуют за теми, кто их потерял, и оглянуться — значит встретиться с ними лицом к лицу, значит признать, что они существуют и что они ждут, пока ты будешь готов.

Он вышел из подъезда, и дождь сразу же взялся за него — липкий, назойливый, проникающий под воротник, как проникают в душу сомнения, как проникает в сердце тоска по тому, что утрачено навсегда. Лукас поднял воротник пальто, сжимая в кармане камертон, и зашагал вперёд, не оборачиваясь, ибо знал: если обернётся, то увидит нечто, что изменит всё, что перевернёт его мир с ног на голову, как перево-

рачивают страницу, за которой начинается новая глава.

Продолжение следует...

Лукас сделал шаг в темноту подвала. Там в синеватом свете, его ждали те, кто знал правду о его тени, но готов ли он её услышать? Что скрывает клуб опоздавших на собственные похороны?

Ответы - в следующей главе.

Подпишитесь на обновления, чтобы не пропустить продолжение!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.